

Вот своеобразная фигура Марии Лебядкиной – «хромой», из тех набросков Достоевского, к которым мы получили доступ благодаря сравнительно недавним публикациям, та больная телом и душой женщина, с которой связывает свою судьбу Ставрогин, личность не менее патологическая, в расчете на то, что противоестественность этой связи взбодрит чувства, в которых ему отказано.

Образ Марии Лебядкиной невероятно психологичен. Эта душевнобольная нередко пребывает в состоянии полного сумбура; в иные же моменты речи ее полны глубокого смысла и даже звучат пророчески. Кажется, она не замечает ничего вокруг – и в то же время ее суждения о людях свидетельствуют подчас о недюжинной наблюдательности. Это жалкое существо не знает страха; опустившийся брат мучит ее, она же чувствует себя княгиней, которая выше страха.

Жизнь Лебядкиной также находится во власти тех главных сил, о которых мы говорили выше. Это прежде всего – глубокая связь с природой. Связь эта вполне религиозна; но того перелома, о котором шла речь, – ее возрождения, принятого из воли Божией, здесь, как кажется, не происходит.

В Марии Лебядкиной есть нечто напоминающее зачарованных персонажей народных сказок. Их веселость вызывает грусть и может мгновенно смениться глубокой тоской. Невольно вспоминаются люди, замороженные русалками или троллями и потерявшие вследствие этого рассудок... Дух такого человека проникнут религиозным началом от природы, как в древних сказаниях – язычески, мифологически.

К Марии пришел Шатов; они разговаривают. Черпая подробности из своих фантазий, она рассказывает о том времени, которое она провела в монастыре:

«– А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: “Богородица что есть, как мнишь?” – “Великая мать, – отвечаю, – упование рода человеческого”. – “Так, – говорит, – Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть: а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, – говорит, – горести твоей больше не будет, таково, – говорит, – есть пророчество”. Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на мо-